

НА ПОХОРОНАХ ЖИВЫХ: ТЕОРИЯ «ЖИВОГО ЧЕЛОВЕКА» И ФОРМИРОВАНИЕ ГЕРОЯ В РАННЕМ СОЦРЕАЛИЗМЕ

Грегори Карлтон

Становление соцреалистического канона всегда сопровождалось борьбой с «уклонами». Совпадение само по себе не удивительное, так как нельзя выдвинуть или защитить новый канон без определения того, что в него *не* входит. Таким образом, определение уклона является средством уточнения содержания самого канона. Не ошибемся, если скажем, что в контексте раннего соцреализма определение уклона было более важным (не только в сфере литературы), чем позитивное определение требуемого содержания. Причина — в обстоятельствах рождения и развития соцреализма. Как утверждает Р. Робэн, тогдашние представления о том, что подразумевается под термином «соцреализм», были далеки от какой-либо ясности¹. В этих условиях было легче прийти к согласию насчет того, против чего все были и именно это «против» и объединяло. В этот период единогласие относительно «врагов» могло оказаться мостом между разными толкованиями будущего «художественного метода». Вопрос — кто *не* с нами — помогал установлению рамок допустимого и не допустимого.

Одним из наиболее опасных уклонов на этапе становления соцреализма являлась теория «живого человека», требовавшая углубленного психологизма в изображении героя. Жизнь «живого человека» была кратковременна и с самого начала дискуссионна. Факт его нашумевшего существования заслуживает специального рассмотрения, поскольку если сам «живой человек» и не оставил яркого следа в ортодоксальной соцреалистической литературе, то его осуждение оказало значительное влияние на формирование нового героя.

Нападки на теорию «живого человека» и до и после провозглашения соцреализма имеют, на наш взгляд, еще одно измерение. Они позволяют понять одно из отличительных свойств советской культуры того времени: активную взаимообусловленность, взаимопроникновение жанров и дискурсов. Уже к концу 1920-х годов становится все труднее (в функциональном смысле) провести грань между публицистикой и документальной литературой, с одной стороны, и художественной литературой, с другой. И то и другое должно было подчиниться одной цели: учить читателей, воодушевлять их, помогать им разбираться в текущих проблемах. Все чаще один и тот же аршин прилагается к произведениям совершенно разных их жанров. Функциональное сближение жанров шло до тех пор, пока — к середине 1930-х годов, — казалось, не исчезли границы между ними. О том, как этот процесс нарастал, какой вид он принял, свидетельствует полемика вокруг теории «живого человека». В опровержении этой теории ведущую роль играла публицистика, значение которой часто упускается из виду при анализе истоков соцреалистического героя. В конечном счете, проблема «живого человека» раскрывает знакомый парадокс, с которым сталкиваются исследователи при рассмотрении советского контекста: ключ к литературным проблемам часто приходится искать вне самой литературы.